

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 186–196

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 186–196

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-186-196>

EDN: FXALBL

Рецензия

УДК 811.161.1'23'28'32

Научное наследие профессора В. Е. Гольдина: о книге избранных работ ученого

Рецензия на: *Гольдин В. Е. Языковое сознание. Речевая коммуникация: Избранные работы* / сост. О. Ю. Крючкова, А. П. Сдобнова. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2020. 496 с.

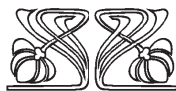
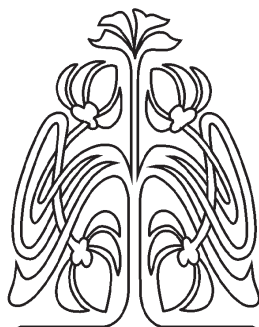
О. Ю. Крючкова , Е. В. Старостина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

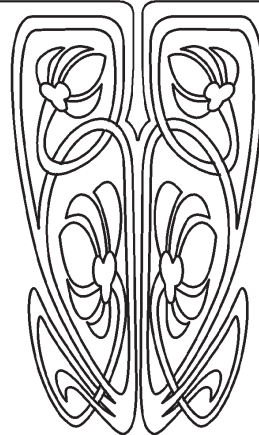
Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, vpks@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2814-4095>

Старостина Евгения Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, sev79@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7532-2950>

Аннотация. Рецензия посвящена книге избранных работ профессора В. Е. Гольдина «Языковое сознание. Речевая коммуникация» (Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2020), подготовленной к изданию О. Ю. Крючковой и А. П. Сдобновой. Научные интересы Валентина Евсеевича Гольдина были чрезвычайно широки. В списке его научных работ – исследования по русской диалектологии, проблемам общей теории языка, речевой коммуникации, жанров речи, по проблемам психолингвистики и прикладной лингвистики. Это многообразие фокусов научного внимания нашло свое отражение и в книге его избранных трудов. В книгу вошли работы В. Е. Гольдина, относящиеся к трем важнейшим областям его научных интересов: ассоциативно-вербальная сеть носителя языка; проблемы речевой коммуникации; коммуникативная и корпусная диалектология. В композиции книги выражена идея о языковом сознании как глубинной когнитивной базе речевой коммуникации и, соответственно, о речевой коммуникации как вербальном воплощении языкового сознания. Такое понимание взаимоотношений языкового сознания и речевой коммуникации вытекает из всей совокупности научных исследований В. Е. Гольдина, является результатом обобщения научного наследия ученого. В публикации очерчена хронология развития научных интересов В. Е. Гольдина – от отдельных сфер речевой коммуникации к целостному ее осмыслению и далее к языковому сознанию. Такое развитие научного творчества исследователя позволило ему постепенно наращивать, укрупнять теоретические обобщения, строить их на прочной основе хорошо осмысленного конкретного эмпирического материала. Представлены наиболее значимые научные идеи В. Е. Гольдина: о принципах коммуникативной диалектологии; о построении, научном и культурном значении диалектных корпусов, о необходимости целостного изучения русской речи в совокупности всех её социально-функциональных разновидностей; о критериях эффективной культурно-языковой политики; проблемах изучения семантики общения; задачах жанроведения; о методике проведения ассоциативных экспериментов; ассоциативных словарях; об эвристическом потенциале вербальных ассоциаций и ассоциативных полей.

КРИТИКА
И
БИБЛИОГРАФИЯ

Ключевые слова: В. Е. Гольдин, избранные работы, русская диалектология, ассоциативно-вербальная сеть, речевая коммуникация, психолингвистика, корпусная лингвистика

Для цитирования: Крючкова О. Ю., Старостина Е. В. Научное наследие профессора В. Е. Гольдина: о книге избранных работ ученого // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 186–196. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-186-196>, EDN: FXALBL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review's report

Scientific legacy of Professor V. E. Goldin: About the book of the scientist's selected works

Review for: Goldin V. *Linguistic consciousness. Speech communication: Selected works / comp. O. Kryuchkova, A. Sdobnova. Saratov, Saratov State University Publ., 2020. 496 p. (in Russian)*

O. Yu. Kryuchkova ✉, **E. V. Starostina**

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga Yu. Kryuchkova, vpks@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2814-4095>

Evgeniya V. Starostina, sev79@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7532-2950>

Abstract. The review is dedicated to the book of selected works by Professor V. E. Goldin, *Linguistic Consciousness. Speech Communication* (Saratov, Saratov State University Publ., 2020), prepared for publication by O. Kryuchkova and A. Sdobnova. The scientific interests of V. E. Goldin were extremely broad. The list of his scientific works includes studies on the Russian dialectology, problems of the general theory of language, speech communication, speech genres, the problems of psycholinguistics and applied linguistics. This variety of focuses of the scientific attention is also reflected in the book of his selected works. The book includes works by V. E. Goldin, related to the three most important areas of his scientific interests: the associative-verbal network of a native speaker, problems of speech communication, communicative and corpus dialectology. The composition of the book expresses the idea of linguistic consciousness as a deep cognitive basis of verbal communication and, accordingly, of verbal communication as a verbal embodiment of linguistic consciousness. Such an understanding of the relationship between linguistic consciousness and speech communication stems from the complexity of the scientific research by V. E. Goldin, and is the result of summing up the scientific heritage of the scientist. The publication outlines the chronology of the development of V. E. Goldin's scientific interests – from individual spheres of speech communication to its holistic understanding and further to linguistic consciousness. Such a development of the researcher's scientific work allowed him to gradually build up and enlarge theoretical generalizations, build them on a solid foundation of comprehensive specific empirical material. The review presents V. E. Goldin's most significant scientific ideas: the principles of communicative dialectology; the construction, scientific and cultural significance of dialect corpora, the need for a holistic study of the Russian speech in the sum of all its social and functional varieties; the criteria for an effective cultural and language policy; problems of studying the semantics of communication; tasks of genre studies; the method of conducting associative experiments, associative dictionaries, the heuristic potential of verbal associations and associative fields.

Keywords: V. E. Goldin, selected works, Russian dialectology, associative-verbal network, speech communication, psycholinguistics, corpus linguistics

For citation: Kryuchkova O. Yu, Starostina E. V. Scientific legacy of Professor V. E. Goldin: About the book of the scientist's selected works. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 186–196 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-186-196>, EDN: FXALBL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Научные интересы Валентина Евсеевича Гольдина были чрезвычайно широки. Многообразие фокусов научного внимания ученого отражено в книге его избранных работ «Языковое сознание. Речевая коммуникация», выпущенной издательством Саратовского университета в 2020 г. В книге собраны известные труды В. Е. Гольдина, относящиеся к трем важнейшим областям его научных интересов:

1. Ассоциативно-вербальная сеть носителя языка.
2. Проблемы речевой коммуникации.
3. Коммуникативная и корпусная диалектология.

Расположение глав (в книге они идут в такой последовательности) не отражает хронологического развития научных интересов ученого. В композиции книги выражена идея о

языковом сознании как глубинной когнитивной базе речевой коммуникации и, соответственно, о речевой коммуникации как вербальном воплощении языкового сознания. Такое понимание взаимоотношений языкового сознания и речевой коммуникации вытекает из всей совокупности научных исследований В. Е. Гольдина, является результатом обобщения его научного наследия.

В хронологическом плане путь исследователя шел от отдельных сфер речевой коммуникации к целостному ее осмыслению и далее – к языковому сознанию. Такое развитие научного творчества ученого позволило ему постепенно наращивать, укрупнять теоретические обобщения, строить их на прочной основе хорошо осмысленного конкретного эмпирического материала. Первые научные работы В. Е. Гольдина связаны с русской диалектологией. В 1967 г. он

защитил кандидатскую диссертацию «К вопросу о структурно-семантических различиях в диалектной лексике (на материале названий построек и их частей в русских говорах)» [1]. В процессе этой работы пришло понимание большой культурной ценности диалектной речи, глубокое понимание ее специфики. Все это ярко передано в серии «рассказов диалектолога», опубликованных в 1980-е гг. в научно-популярном академическом журнале «Русская речь». В «рассказах диалектолога» проявилась не только наблюдательность исследователя, но и настоящий художественный дар Валентина Евсеевича, талант замечательного рассказчика. Помещенные в книгу избранных работ «рассказы диалектолога» доставят большое удовольствие всем, кто умеет наслаждаться точным, живым словом.

Диалектологической проблематике посвящена и защищенная в 1997 г. в виде научного доклада докторская диссертация «Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии» [2]. Научный доклад, опубликованный небольшим тиражом, очень скоро стал труднодоступным для многих желающих ознакомиться с ним. Теперь эта работа есть в книге избранных трудов.

Докторская диссертация Валентина Евсеевича стала итогом осмысления материалов многолетних диалектологических экспедиций под его руководством, заложила основы нового направления в науке о русских народных говорах – коммуникативной диалектологии.

Выделив три основные парадигмы диалектологического знания – структурную, функциональную и коммуникативную, В. Е. Гольдин определил специфику разных подходов к изучению диалектов. Он пишет: «Если в структурной парадигме диалект определяется прежде всего извне, через соответственные явления и диалектные различия, то есть через соотнесение с инодиалектной речью, а функциональный подход добавляет к этому взгляду на сельскую народно-разговорную речь в качестве существенного такой внутренний аспект, как изучение стратификации диалектной речи, функционального ее варьирования, и еще один, особый внешний аспект – соотнесенность с другими стратами в составе функциональной парадигмы языка, – то в коммуникативной парадигме диалектологического знания рассматриваются прежде всего общие черты диалектов именно как диалектов. Это не значит, что территориальное варьирование речи не исследуется в рамках коммуникативной парадигмы. Оно исследуется, но как вариативное воплощение общедиалектных явлений» (с. 298).

Предложенный В. Е. Гольдиным подход к изучению диалектной речи позволил выделить общие диалектам принципы организации,

связать и объяснить речевые черты, представленные ранее разрозненными и изолированными. Один из таких генеральных принципов в концепции В. Е. Гольдина – «принцип совмещения в речи ситуации-темы и ситуации текущего общения». «Он проявляется в том, – пишет В. Е. Гольдин, – что компоненты текущего общения (реальные пространство и время общения, говорящий, адресат и слушатель, находящиеся в их поле зрения предметы, сама локуция и невербальные компоненты общения) используются как заместители компонентов ситуации-темы, служат их знаковым эквивалентом, основой установления референции речевых единиц» (с. 294). Описываемые ситуации изображаются в речи диалектоносителей как одновременные общению. Действием этого принципа определяются многие особенности диалектной речи.

В. Е. Гольдин подчеркивает: «...действие в речи принципа совмещения ситуаций, повидимому, никогда не могло быть абсолютным; ...этот принцип существует в диалектной речи как тенденция, но тенденция древняя и сильная, непосредственно обусловленная коммуникативной спецификой традиционного деревенского общения на диалекте» (с. 314); «его действие не замкнуто границами диалекта, оно может быть обнаружено и в других социально-функциональных разновидностях русской речи как следствие единства русского языка и значительного воздействия, которое оказали на него и продолжают оказывать русские народные говоры» (с. 316).

Принцип совмещения ситуации-темы с ситуацией текущего общения – это «результат принципиальной и наиболее последовательной разговорности традиционного общения на диалекте» (с. 313). Своим происхождением данная тенденция обязана «той информационной структуре коллектива, при которой непосредственное устное практическое речевое взаимодействие составляло единственный тип речевой коммуникации», главным содержанием которой были, по А. Б. Шапиро, «интересы данного момента» в широком смысле» (с. 313).

В. Е. Гольдин так обосновывал необходимость нового – коммуникативного – подхода к изучению диалектной речи:

- диалект – это самостоятельное коммуникативное средство, которое полноценно обслуживает традиционное русское деревенское общение, идеально приспособлено для этой коммуникативной сферы;

- диалект – это вербальное средство, в котором в значительной мере воплощены особенности традиционной народной культуры, ее ценности, восприятие мира носителями этого типа культуры.

Поэтому и изучение народной речи должно быть направлено: а) на раскрытие ее коммуникативных функций; б) особенностей ее организации (строения); в) на выявление специфики мировидения носителей диалекта, что, несомненно, воплощено в их речи.

Коммуникативная диалектология дополняет (не отменяет) сложившиеся ранее парадигмы диалектологического знания (в них достигнуты весьма значимые результаты, это всегда подчеркивал В. Е. Гольдин), направляет внимание на новые для диалектологии объекты исследования. К ним относятся:

- информационная структура общения на диалекте (например, характерный для диалектной речи набор речевых событий, речевых жанров, специфика реализации универсальных (общих для национальной культуры) речевых событий и жанров, событийные и жанровые «лакуны»);

- особенности текстовой деятельности на диалекте (особенности построения текстов, связанные во многом с социальной организацией диалектного коллектива);

- когнитивная сторона общения на диалекте (особенности картины мира носителей традиционной деревенской культуры, характер выражаемых в речи знаний, способы их речевого представления);

- место речи в составе деятельности носителей традиционной культуры и характер рефлексии диалектоносителей над речью;

- особенности сохранения речевой традиции, специфика трансляции ее во времени, характер прецедентных текстов диалектного общения.

В. Е. Гольдин по-новому определил сущность диалекта как особого языкового образования. Сущность диалекта, пишет В. Е. Гольдин, «заключается прежде всего не в отличиях одних говоров от других, а именно в признаках, объединяющих диалектную речь любых территорий бытования данного языка и при этом характерных не для всех языковых стратов, – в признаках, отличающих диалектную речь от литературной в первую очередь» (с. 299). Выделение и описание этих признаков и составляет специфический объект коммуникативной диалектологии.

Широкое признание получили работы В. Е. Гольдина, выполненные в русле коммуникативной диалектологии. Это такие работы начала 2000-х гг., как «Изобразительность диалектной речи» (2001); «Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения» (2002); «Понятийное ядро традиционного сельского общения» (2002); «Текст и знание в диалектной коммуникации» (2008, в соавт. с О. Ю. Крючковой); «Повествование в диалектном дискурсе» (2009); «Устно-разговорная речь и обыденное сознание» (2016, в соавт. с О. Ю. Крючковой). Все они представлены в книге избранных работ.

В. Е. Гольдин подчеркивал, что коммуникативное изучение диалектной речи требует специальной организации научных источников: «...главным объектом наблюдений становятся связная речь и воплощенные в ней единицы общения, “тексты”» (с. 323). Таким образом, коммуникативная диалектология ведет к диалектологии корпусной.

Валентин Евсеевич стоял у истоков корпусной диалектологии в нашей стране. В 1990-е гг., когда впервые обсуждалась структура машинного фонда русского языка, он предложил концепцию электронного диалектологического текстового корпуса как основного ресурса для сохранения и изучения материала русских народных говоров [3].

Эта концепция послужила в дальнейшем основой крупного проекта – мультимедийного диалектологического корпуса, создаваемого в Саратовском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского коллективом Центра изучения народно-речевой культуры имени проф. Л. И. Баранниковой. В книге избранных работ представлены статьи и этого направления: «Диалектологический текстовый машинный фонд говора и исследование диалектных изменений» (1991), «Текстовый диалектологический корпус как модель традиционной сельской коммуникации» (2008), «Корпус русской диалектной речи: концепция и параметры оценки» (2011), «Параметры обработки текстов для русского диалектного корпуса» (2015), «Диалектный текстовый корпус: проблемы репрезентативности, сбалансированности, единиц хранения и выдачи» (2017) (последние четыре в соавторстве с О. Ю. Крючковой).

Интерес ученого к проблемам речевой коммуникации, ее социально обусловленной вариативности, возникший при изучении русской народной речи, приобрел более широкие очертания, вышел за границы одной формы существования языка. Глубокое осмысление русской диалектной речи, понимание многообразной социально обусловленной вариативности русской речи приводит ученого к мысли о необходимости целостного изучения речевой коммуникации – во всем разнообразии ее форм. Работы данного направления представлены во второй части сборника – «Проблемы речевой коммуникации».

В работе «Внутренняя типология русской речи и строение русистики» (2000) В. Е. Гольдин

развивает концепцию целостного изучения русского языка. «Современные исследования русской речи, – пишет он, – ведутся в большинстве случаев отдельно на материале каждой из её социально-функциональных разновидностей» (литературного языка, или его разговорной разновидности, или диалектов, или просторечия) (с. 153). Эту «социально-функциональную линию исследования типов русской речи», по мысли ученого, необходимо дополнить, «уравновесить» «сквозным» изучением языка, «идущим от самих языковых и речевых явлений и совершающимся на всем пространстве (материале) русской речи» (с. 159).

Валентин Евсеевич объясняет, почему такой целостный подход к изучению русской речи важен и необходим. Он пишет: «...русская речь не так жестко членится на отдельные варианты, как это нередко представляется», «от народных говоров до самых высоких сфер функционирования литературной речи тянутся разной длины и разной мощности связующие нити, скрепляющие единство русской речи»; «отдельные языковые личности могут одновременно владеть несколькими, в том числе функционально несовместимыми вариантами русской речи», «эти варианты образуют в речевой практике языковых личностей своеобразные системы, сплавы, контаминации» (с. 154, 161).

Как отмечает исследователь, разные языковые явления, рассмотренные «на материале речи в целом», т.е. «на материале всех разновидностей русской речи», могут оказаться типологически значимыми, предстать как явления, неодинаково реализуемые в разных социально-функциональных подсистемах русского языка, например, звукоподражание, разнообразные средства отсылки к известному (от разговорных частиц типа *-то* до книжных единиц типа *как известно* или *как говорилось выше*), функционирование лексики иноязычного происхождения и др. (с. 160). Неодинаковой относительной значимостью, своеобразием реализации могут обладать не только отдельные языковые единицы или их типы, но и коммуникативные формы речи, такие, как, например, выделенные Г. А. Золотовой репродуктивный, информативный, генеритивный, волюнтаривный и реактивный «регистры» (с. 330–331).

Идея целостности русского языка и «единства русистики как науки о русском языке», отказ от «литературоцентрической» концепции русского языка и русистики, при которой «лишь “высшая” форма языка, литературная, признается обществом культурной, ценной, современной и уважаемой, получает социальную поддержку»

(с. 156), имеют, по мысли ученого, важные социальные следствия, будут способствовать «выработке правильной политики общества по отношению к нелитературной речи и прежде всего – к диалектам» (с. 158).

Целостное осмысление русской речи, по мнению ученого, должно стать не только фокусом внимания исследователей, но ориентиром языковой политики, направленной на сохранение речевого разнообразия и богатства русской речи, основанной на толерантности к разным формам ее существования.

«Очевидно, демонстрацию необходимости, совершенства и богатейших возможностей русской литературной речи, – подчеркивает В. Е. Гольдин, – пора сочетать с научной пропагандой в обществе идеи коммуникативной целостности языка, функциональной и социальной важности всех его составляющих и одновременно – с идеей совершенно особой ценности для человека его исходной (родной, материнской, первичной) речи независимо от того, является ли эта родная речь просторечной, диалектной или литературной, а заботу о литературном языке нужно дополнять не менее действенной заботой о русском языке в целом» (с. 159).

Выраженная в этом рассуждении идея толерантности в отношении разных форм коммуникации развивается в статье «Толерантность как принцип культуры речи» (2003), где она приобретает очертания «общего принципа межличностного, межгруппового, межгосударственного и межкультурного взаимодействия» (с. 162).

Принципу толерантности должна отвечать, по мнению ученого, эффективная культурно-языковая политика, имеющая «по-настоящему практический характер». Ее суть состоит в следующем: «Точно направлять работу в области культуры русской речи при общей ее (работы) толерантности, с нашей точки зрения, в первую очередь означает сегодня требовать соблюдения норм литературной речи там и только там, где литературный язык на самом деле оказывается единственно возможным средством речевой коммуникации (сфера официальных форм общественно-политического и делового общения, сфера науки, сфера образования), допуская в иных сферах использование и других типов речи. Иными словами, не следует отождествлять культуру литературной речи с культурой русской речи в целом, как не следует отождествлять русский язык с его литературным вариантом.

Современная культурно-языковая политика будет в большей мере приближаться к идеальному сочетанию эффективности и толерантности, если поставит себе главными целями, во-первых,

давать обществу предельно объективную и полную картину его текущего языкового (речевого) состояния, включая все сферы общения, и, во-вторых, продемонстрировать функциональные достоинства и функционально слабые стороны всех сосуществующих вариантов русской речи, а не только литературного языка» (с. 168–169).

Принцип толерантности, по убеждению В. Е. Гольдина, должен стать и основой науки о культуре речи: «... дело науки о культуре речи...», – пишет он, – не только защищать литературный язык от влияния ... функционально и территориально ограниченных вариантов русской речи», «специалист в области культуры речи и нормализатор едва ли имеют право смотреть на русский язык лишь с точки зрения некоторых групп населения (например, с позиции говорящих на литературном языке) или учитывать языковые потребности лишь некоторых, хотя бы и очень важных коммуникативных сфер русского общества, ущемляя тем самым языковые права части населения» (с. 170, 171).

Языковой политике, толерантной к русским народным говорам, посвящена включенная в книгу избранных работ статья «Русские народные говоры как национальное богатство и необходимость новой культурно-языковой политики в России» (2010, в соавт. с О. Ю. Крючковой). Эта работа была отмечена дипломом лауреата Всероссийского конкурса интеллектуальных проектов.

Цикл исследований В. Е. Гольдина посвящен вопросам семантики общения, этикету как специальной знаковой системе, регулирующей общение. В 70-е – 80-е гг. XX в. вышли в свет получившие широкую известность монографии В. Е. Гольдина «Этикет и речь» [4], «Речь и этикет» [5], «Обращение: теоретические проблемы» [6]. Последнюю из названных работ читатель может найти в книге избранных работ.

Появившееся в ходе глубокого изучения сферы общения представление о семиотической сложности коммуникации, семиотической неоднородности речи, отказ «от узкоречевого» («собственно лингвистического») рассмотрения общения послужили основой для развития концепции «о принципиальном единстве коммуникативной и некоммуникативной деятельности людей» [7, с. 6].

На пересечении «коммуникативной и некоммуникативной деятельности» находится и категория жанра. В работе 1999 г. «Проблемы жанроведения», представленной в книге избранных трудов, изложена программа развития данной научной отрасли, названы ее актуальные проблемы: 1) параметризация жанровых форм

и установление системных отношений между параметрами; 2) создание классификаций и многоаспектной типологии жанров; 3) уточнение главных оппозиций в системе терминов жанроведения; 4) структуризация жанроведческих понятий в системе общелингвистических концептов; 5) исследование жанровых форм в историческом аспекте.

В конце 1990-х гг. в сферу научных интересов В. Е. Гольдина прочно входит психолингвистика. В центре его внимания оказываются проблемы изучения вербальных ассоциаций и языкового сознания носителей языка.

Ассоциативный словарь школьников Саратовской области, созданный под руководством В. Е. Гольдина, был действительно масштабным проектом. Работа над словарем началась в 1998 г. и продолжалась более 10 лет. Результатом интенсивной работы возглавляемой В. Е. Гольдиным научной группы стали новаторская электронная база данных ассоциативного словаря и изданный в 2011 г. двухтомный (в 3 книгах) «Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов» [8].

Словарь создан на основе свободных ассоциативных экспериментов, проводившихся со школьниками с 1-го по 11-й класс, проживающими в г. Саратове и других городах, поселках и деревнях Саратовской области. Важно то, что опрашивались не только городские, но и сельские школьники, что позволило в том числе изучать и сопоставлять языковое сознание школьников, живущих в разной местности (город, село, деревня).

Эксперимент, данные которого легли в основу словаря, проводился в течение 10 лет (с 1998 по 2008 г. включительно) в устно-письменном формате (устное предъявление стимулов и письменная фиксация реакций испытуемыми). Такой выбор формы эксперимента был обусловлен тем, что в нем принимали участие дети как старших, так и младших классов, которые еще не очень хорошо умеют читать и писать. В экспериментах со взрослыми испытуемыми часто выбирается письменно-письменный формат, а эксперименты с детьми дошкольного возраста проводятся в устно-устной форме. Словарь получился очень объемным. Стимульный ряд словаря включает 1126 вербальных единиц.

Весомым вкладом в развитие психолингвистики и ассоциативной лексикографии стали работы В. Е. Гольдина, выполненные на материале ассоциативного словаря школьников. Это работы, посвященные вопросам содержания ассоциативного поля, его смысловой организации, его

стандартности, таким важным теоретическим проблемам, как проблема соотношения «словарного» и «психолингвистического» значений слов, изучение возрастной динамики словесных ассоциаций.

За большим разнообразием ассоциативных реакций, получаемых на слово-стимул в массовых ассоциативных экспериментах, ученому удалось увидеть значимые общие закономерности строения ассоциативных полей, выявить общие модели реагирования на стимулы. Так, например, для ассоциативных полей существительных идентифицирующего типа (предметных имен) типична следующая структура, соответствующая иерархической организации знаний о поименованных феноменах: блок знаний о ситуациях, связанных с предметным словом-стимулом; блок знаний о человеке, людях, функционально связанных со стимулом; блок предметно-логического, классификационного характера (реакции, выражающие гиперо-гипонимические отношения, в том числе отношения соподчинения); блок реакций, выражающих рефлексивную над речью и языком (реакции-синонимы, реакции-толкования, грамматические характеристики стимула, прецедентные единицы, в том числе цитаты) (с. 17–18).

«Типичные блоки содержания создают универсальную основу, на фоне которой выявляется семантическая специфика конкретных полей предметных существительных. Эта специфика может состоять как в особенностях лексического заполнения слотов схемы, так и в особенностях соотношения выделенных блоков содержания в составе отдельных полей» (с. 18).

В целом содержание ассоциативных полей определяется в основном тремя важнейшими сферами ориентации: в неречевой действительности, в речевой коммуникации (идентификация ее участников, их мотивов, целей, действий, жанров, стилей, прецедентных текстов), в самом языке (идентификация его единиц, структур, в том числе устойчивых сочетаний и фразеологизмов), хотя необходимо учитывать, что «направление ассоциаций зависит от значительного количества разнохарактерных факторов, в том числе от принадлежности стимула к той или иной части речи и от типа явления, именуемого словом-стимулом» (с. 120).

Выделение и анализ не отдельных реакций, а именно классов реакций, т.е. изучение представленных в ассоциативных полях областей референции и соответствующих семантических категорий становится инструментом оценки степени стандартности / варьируемости, стабильности / изменчивости ассоциативных связей слов.

Степень стабильности ассоциативного поля имеет количественное измерение: «...наиболее стабильную зону ассоциативного поля стимула при 200 и большем количестве испытуемых образуют реакции, доля каждой из которых составляет не менее 5% всех реакций на данный стимул» (с. 116).

Наличие типовых структур ассоциативных полей свидетельствует также о том, что ассоциативное поле «отражает общие знания и потому может быть использовано для реконструкции коллективного представления о том фрагменте мира, с которым связано конкретное слово-стимул» (с. 13). В. Е. Гольдин пишет: «...языковое членение мира (система главных содержательных блоков представлений о мире) соотносится с типологией ассоциативных полей и структурой ассоциативно-вербальной сети в целом» (с. 68).

Ряд работ В. Е. Гольдина посвящен проблеме репрезентации картины мира в ассоциативно-вербальной сети. Одна из задач психолингвистики, считает ученый, – «представить разновидности ассоциаций в качестве взаимосвязанных сторон единого комплекса знаний, обеспечивающих ориентацию в мире» (с. 76). Предлагается и метод решения названной задачи. Это выявление фреймовой структуры поля, «итеративное заполнение фреймов исследуемых ассоциативных полей, в ходе которого включение нового материала в одних случаях диктует более дробную организацию схемы, а в других открывает возможность укрупнения уже установленных в ней слотов. Итеративность заключается в том, что фрейм, построенный на материале ассоциативных полей одной части отобранных для исследования стимулов, подвергается коррекции с учетом ассоциаций на стимулы другой части корпуса стимулов, а затем исследователь проверяет адекватность скорректированной схемы, вновь заполняя ее материалом тех ассоциативных полей, с которых начиналось исследование» (с. 76).

Материал ассоциативных словарей, как показано в работах В. Е. Гольдина, позволяет выявить специфику значений слов в «наивной» картине мира массового носителя языка, что не всегда отражают толковые словари, подменяя реальное содержание слова в неспециальной речи экспликацией научного понятия. Такое расхождение между представлениями о значении слова у массового носителя русского языка и словарными определениями блестяще раскрыто на примере сопоставления лексикографических толкований слова *животное* с его ассоциативными связями, зафиксированными ассоциативными словарями.

Так, с научной точки зрения к животным относятся не только человек, овца, собака, тигр, жираф и подобные существа, но и птицы, рыбы, змеи, насекомые и даже простейшие типа амёб – это животные, и от растений их отличают неспособность синтезировать питательные вещества из неорганических соединений, а также свойственная большинству из них активная подвижность. Подобное определение дают и толковые словари (БАС, МАС): «Всякий живой организм, исключая растения».

Однако, как отмечает В. Е. Гольдин, слово ‘животное’ значит для нас, по-видимому, что-то другое, «поэтому фраза “Животное подползло ближе” едва ли напомнит нам о жуках или змеях, а предложение “Животное взмахнуло крыльями и полетело” мы с трудом отнесем к бабочке, комару или даже птице; скорее, это напомнит нам что-то из области фантастики» (с. 27). Как показывают материалы прямых ассоциативных словарей, к типичным животным в массовом «наивном» сознании можно отнести тех из живых существ, которые названы в эксперименте не менее чем двумя испытуемыми. Это *корова, собака, слон, жираф, кот, кошка, медведь*. Все эти животные – млекопитающие.

Сопоставление традиционных словарных толкований и ассоциативных характеристик слова не следует, по мнению ученого, ограничивать поиском несовпадения данных, оно должно также обнаруживать не менее существенные сходства, не менее значительную их общность, обусловленную тем, что и системные значения слов, представляемые толковой лексикографией, и получаемый экспериментальным путем ассоциативный материал связаны с текстовой речевой практикой языкового коллектива. Это, в свою очередь, определяет методику сопоставления системных (словарных) значений и ассоциативных связей слов – обращение к речевому употреблению лексических единиц, корпусным данным.

Применение этой методики было показано исследователем на примере слов *громкий* и *тихий*. Как отмечает В. Е. Гольдин, в авторитетных толковых словарях основные значения прилагательных *громкий* и *тихий* представлены как противоположные: *громкий* – 1. «Сильно звучащий, хорошо слышный; противоп. *тихий*», *тихий* – 1. «Слабо звучащий, едва слышный; негромкий; противоп. *громкий*» (МАС). При этом их производные значения «сильно расходятся и не связаны взаимными отношениями противоположности... с одной стороны, узуальные сочетания *громкий скандал, громкая премьера, громкие фразы, громкие заголовки*, но не **тихий*

*скандал, *тихая премьера, *тихие фразы, *тихие заголовки* и, с другой стороны, приемлемы сочетания *тихий город, тихое течение, тихие слёзы*, но не **громкий город, *громкое течение, *громкие слёзы*» (с. 38–39).

Какие же данные дают нам ассоциативные словари? Как отмечает В. Е. Гольдин, по данным разных ассоциативных словарей (РАС, АСШС, СИБАС), первые 10 самых частотных реакций на стимул *громкий* (*голос, звук, крик, смех, разговор, стук, возглас, шум, музыка, плач, гром, звон, магнитофон*) соответствуют основному значению слова *громкий*, а не какому-либо из его производных.

Ассоциации на стимул *тихий* поразительным образом отличаются от реакций на стимул *громкий*, как пишет исследователь, «мы видим не просто другие реакции, что, конечно, предсказуемо, но совершенно другой тип отношения реакций к семантической структуре многозначного слова-стимула» (с. 41).

«Если в ассоциативном поле стимула *громкий* все десять наиболее частотных реакций отсылают к основному значению этого слова, то в поле стимула *тихий* лишь небольшая часть представленных в выборке частотных реакций ... прямо соотносится со словарным значением ТИХИЙ 1... Большая же часть реакций в выборке (реакции *вечер, день, ветер, омут, час, сон, дом, человек, мальчик, скромный, спокойный*) отсылают не к основному, а к производным значениям стимула *тихий*: словесные опоры, привлекаемые испытуемыми при осознании стимула *тихий*, вызывают представление, в котором ослаблена роль звукового компонента; это представление о чем-то спокойном, не интенсивном, не направленном вовне» (с. 41–42).

Таким образом, как отмечает В. Е. Гольдин, «в рассмотренном случае мы имеем не тождество отдельных компонентов различных по существу явлений (и конструктов), а именно соответствие между ними, не разрушающее их целостности, не ведущее к их отождествлению, но позволяющее выявлять такие их особенности, которые могли бы остаться незамеченными вне анализа, основанного на предположении о том, что соответствие между речевым употреблением лексики, словарным системно-логическим представлением значений и строением ассоциативных полей не может не существовать» (с. 48).

Ценные обобщения были сделаны В. Е. Гольдиным по результатам изучения возрастной динамики словесных ассоциаций школьников: «...каждый школьный возраст (младшие

школьники, средние, старшие) обладает своим комплексом устойчивых ассоциативных характеристик, и эти характеристики могут быть обнаружены» (с. 60).

Ученым отмечено общее направление возрастной динамики словесных ассоциаций – стабилизация лексических ассоциаций: «постепенному увеличению в ответах доли первой по частоте реакции соответствует в них постепенное уменьшение доли отказов от реагирования и доли единичных реакций» (с. 55).

Выделены динамические типы ассоциативных полей:

– тип стандартизации: основная динамика, характерная для данного типа полей, – стандартизация реакций;

– тип вхождения в словарь: характеризуется уменьшением доли отказов от реагирования, занимающих в младших классах первое место в ассоциативном поле стимула;

– тип усложнения ассоциативного поля: с переходом школьников из младших классов в старшие доля наиболее частой словесной реакции в ответах не возрастает, а уменьшается, растёт или по крайней мере не уменьшается разброс реакций;

– тип периферийного развития: отказы от реагирования во всех возрастных группах оказываются самыми частыми ответами на предъявленный стимул (с. 61–66).

В работах, собранных в разделе «Картина мира в ассоциативно-вербальной сети», показано, как данные русских ассоциативных словарей могут быть использованы при исследовании социокультурных и национальных особенностей языковой картины мира. По мнению ученого, «перспективен такой подход к изучению ассоциаций для установления картины мира, при котором языковое членение мира (система главных содержательных блоков представлений о мире) соотносится с типологией ассоциативных полей и структурой ассоциативно-вербальной сети в целом» (с. 68).

Как отмечает исследователь, «общие черты конфигурации полей разных стимулов могут быть следствием содержательной и/или функциональной близости самих стимулов» (с. 72). В качестве примера В. Е. Гольдин приводит поля стимулов, обозначающих транспортные средства. Они не случайно включают значительное количество реакций, обозначающих движение, хотя сами глаголы активного движения, представленные в этих полях, не обязательно будут одни и те же (ср.: поезд – *едет, ехатъ, идёт, ушёл, стоит, качается*; корабль – *плывёт, тонет, тонул, плавает, всплывает, стоит*).

С другой стороны, «расхождения в конфигурации ассоциативных полей могут указывать на содержательные и/или функциональные различия между соответствующими стимулами» (с. 73). Например, в ряде ассоциативных полей предметных имен существительных (названия животных, растений, одежды и др.) одними из самых частотных оказываются реакции-гиперонимы; однако в полях, именующих лиц по профессии, реакции-гиперонимы типа *профессия* или другие встречаются существенно реже.

Одним из наиболее важных выводов, к которым приходит В. Е. Гольдин, следует считать вывод о том, что «ассоциативные словари (в отличие от словарей толковых) не формулируют значений слов и не дают достаточных оснований для таких формулировок, но позволяют устанавливать с ф е р ы р е ф е р е н ц и и слов-стимулов, то есть определять те фрагменты мира, с которыми соотносится стимул в сознании испытуемых» (с. 75). Кроме того, «ассоциативные реакции отражают ту меру подробности картины мира, ту степень системности образов мира и то сочетание “наивных” и научных представлений о мире, которые в действительности существуют в сознании испытуемых и к овнешнению которых вынуждает испытуемых процедура эксперимента. Именно эта картина мира рассматривается в данном случае как естественная» (с. 75–76).

Большое научно-методическое значение имеют рассуждения В. Е. Гольдина об особенностях коммуникативного поведения участников ассоциативных экспериментов. Ассоциативный эксперимент исследователь определяет как естественную несоревновательную игру, воспроизводящую свойства обычной речевой жизни людей, как «естественный диалог в искусственных условиях» (с. 107). Коммуникативные особенности процедуры ассоциативного эксперимента обуславливают его эвристическую ценность: на ассоциативном материале можно изучать самые общие закономерности коммуникации – коммуникативные стратегии и реализующие их речевые тактики.

Здесь исследователь рассуждает о том, почему ассоциативный эксперимент можно рассматривать как диалог испытуемых с экспериментатором: «...в ответ на реплики-стимулы, обращенные к ним в ходе ассоциативного эксперимента, испытуемые должны для реализации коммуникативного контакта демонстрировать свое согласие взаимодействовать с предъявителем стимула и подтверждать понимание адресуемой им речи. О первом свидетельствует сам факт ответа на стимул, второе проявляется в содержании и форме реакций, которые до-

пустимо трактовать как демонстрируемые экспериментатору «опоры» понимания стимула... Для одних испытуемых такой опорой-идентификатором, свидетельствующим о понимании реплики-стимула, выступает, например, синоним или квазисиноним слова-стимула, для других – соответствующие гипероним, гипоним или согипоним, для третьих – функциональная характеристика денотата слова-стимула и т. д. При этом существенно, что при всем их разнообразии варианты опор, представленные в ответах испытуемых, в целом не случайны. Для каждого из логико-семантических типов слов-стимулов они образуют небольшой круг основных ассоциативных связей и стратегий идентификации, составляющих часть языковой компетенции членов лингвокультурной общности, а потому соответствующие им реакции адекватно воспринимаются экспериментатором и показывают ему, что испытуемый понимает реплику-стимул» (с. 101–102).

Также В. Е. Гольдин отмечает, что в ходе эксперимента, как и в речевой коммуникации, отвечающий опирается не только на содержание и форму инициативной реплики, но и на сложившийся у него образ партнера, т. е. в данном случае экспериментатора, на понимание его интенций и коммуникативных возможностей. У испытуемых складывается определенный образ экспериментатора, который может влиять на фиксируемые в эксперименте реакции. При этом коммуникативное сотрудничество в виде демонстрации речевой и информационной общности с экспериментатором – это самая общая стратегия речевых действий участников эксперимента. Она реализуется несколькими частными коммуникативными стратегиями и многообразными тактиками формально-структурной и содержательной поддержки стимулов. Например, это может быть стратегия противоречия экспериментатору, желание как бы спорить с ним (реагирование антонимами и оппозиатами), стратегия привлечения внимания к себе (реакции *мое, у меня, это я и под.*), стратегия оценивания денотатов стимулов и самих стимулов (реагирование оценочными реакциями), стратегия реагирования вопросами и под.

Ценным научным наследием являются работы Валентина Евсеевича, в которых подробно обсуждена специфика ассоциативной лексикографии, предложена типология ассоциативных словарей. Отмечено, что ассоциативные словари отличаются от большинства других лексикографических продуктов первичным характером включаемых в них данных, они «предоставляют пользователям материал,

минимальной степени подвергшийся обработке со стороны составителей и, следовательно, в наименьшей степени несущий на себе следы квалификационных и классификационных усилий составителей, их языкового вкуса, идейных установок и различного рода предпочтений» (с. 115). Характер ассоциативных словарей обусловлен их задачами: «Единственная задача ассоциативного словаря – представить в стандартном и легко обозримом виде факты, добытые в ходе свободных ассоциативных экспериментов. Интерпретация этих фактов – дело пользователя» (с. 116).

Оптимальной формой ассоциативного словаря, по мнению В. Е. Гольдина, является электронная база данных, поскольку словари такого типа «могут использовать недоступные прежде способы сортировки и фильтрации материала» (с. 129). В 1998–2008 гг. в Саратовском университете была создана в виде Access-приложения уникальная электронная база данных – «Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области» [9] (руководители проекта – В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, инженер-программист – А. О. Мартыанов). АСШС позволяет осуществлять фильтрацию материала по возрасту, полу испытуемых, месту их проживания, типу учебного заведения, дате проведения эксперимента и некоторым другим признакам. В работах исследователя описана организация АСШС и его научный потенциал.

В последней научной работе В. Е. Гольдина (написанной в соавторстве с А. П. Сдобновой) «Проект "Ассоциативный словарь школьников: стабильность и динамика"» [10] обобщен опыт работы над изданным Ассоциативным словарем школьников, опыт исследований, проведенных на его материалах, и обоснована необходимость создания нового ассоциативного словаря школьников (версия 2.0), который мог бы стать источником дальнейших динамических исследований языкового сознания молодежи.

Валентин Евсеевич Гольдин ушел из жизни 9 ноября 2017 г. Но он не ушел из науки. Живо многогранное научное наследие замечательного ученого, в котором настоящее и будущие поколения исследователей находят и будут находить новые импульсы для развития научной мысли.

Список литературы

1. Гольдин В. Е. К вопросу о структурно-семантических различиях в диалектной лексике (на материале названий построек и их частей в русских говорах) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1967. 20 с.

2. Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 52 с.
3. Гольдин В. Е. К проекту текстового диалектологического подфонда Машинного фонда русского языка // Материалы III Всесоюзной конференции по созданию Машинного фонда русского языка / под ред. С. Ф. Гилязова, Ю. Н. Караулова. М. : Изд-во Московского ун-та, 1990. С. 92–103.
4. Гольдин В. Е. Этикет и речь. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1978. 112 с.
5. Гольдин В. Е. Речь и этикет. М. : Просвещение, 1983. 110 с.
6. Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 129 с.
7. Гольдин В. Е., Дубровская О. Н. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий // Жанры речи. 2002. Вып. 3. С. 5–17. EDN: YNDDIT
8. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов : в 2 т. / В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, А. О. Мартянов. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2011.
9. Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области: база данных на платформе MS Office Access. Версия 1.05.00 / сост. В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, А. О. Мартянов ; Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1998–2008.
10. Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. Проект «Ассоциативный словарь школьников: стабильность и динамика» // Вопросы психолингвистики. 2017. № 4 (34). С. 174–187.

Поступила в редакцию 26.11.2022; одобрена после рецензирования 24.12.2022; принята к публикации 30.01.2023
The article was submitted 26.11.2022; approved after reviewing 24.12.2022; accepted for publication 30.01.2023